

Последний рейс “Полярного ветра”

Лина Вей

Лина Вей

**Последний рейс
«Полярного ветра»**

«Автор»

2026

Вей Л.

Последний рейс «Полярного ветра» / Л. Вей — «Автор», 2026

Последний рейс Полярного ветра» — жёсткий морской хоррор, где Арктика не просто суровый край, а безжалостный судья, карающий за малейшую небрежность. В разгар метели на палубу судна врывается белый медведь — огромный, свирепый, будто сама северная стихия обрела плоть. Паника мгновенно охватывает экипаж: матросы мечутся между надстройками, крики тонут в вое ветра, а скрежет когтей по металлу звучит как приговор. Зверь настигает двоих: молодой матрос, оцепенев от ужаса, не успевает отступить — один удар лапы ломает ему руку и отбрасывает к борту; второй, пытаясь увести хищника от трюма, падает, и палуба тут же пропитывается кровью. Эти мгновения становятся для выживших вечностью, где страх смешивается с горечью утраты.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Сборы и предчувствия	7
Глава 2. Отход	10
Глава 3. Первые штормовые	13
Глава 4. Ледовая кромка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Последний рейс «Полярного ветра»

Предисловие

Запись из бортового журнала судна «Полярный ветер». Дата: за 32 дня до последнего рейса.

«Сегодня в порту всё как обычно: грохот цепей, скрип такелажа, голоса грузчиков, перекрываемые порывами ветра. Но в воздухе висит что-то ещё — не просто холод, а будто сама тишина здесь тяжелее, чем где-либо. Будто Арктика прислушивается к каждому нашему шагу и заранее запоминает имена.

Маршрут стандартный на бумаге: вдоль кромки льда, доставка грузов на удалённые станции. Топливо, провизия, запчасти, научные приборы — всё учтено, всё упаковано, всё закреплено по правилам. Но прогнозы синоптиков с каждым днём всё тревожнее: ледовая обстановка нестабильна, кромка ползёт, полыньи закрываются быстрее, чем успевают обновляться карты. И есть ещё одна деталь, которую не впишешь в отчёт: в последние недели полярники всё чаще сообщают о нетипичном поведении белых медведей. Они выходят дальше обычного, держатся ближе к воде, будто что-то гонит их с привычных троп.

Я не суеверный человек. Я верю в расчёты, в ледовый класс судна, в резервные генераторы и в дисциплину экипажа. Но сегодня, глядя на эти бесконечные серые льды на спутниковых снимках, я ловлю себя на мысли, что есть границы, которые не обозначены ни на одной карте. Их не видно в приборах, не слышно в радиопереговорах. Их чувствуешь только кожей, когда мороз пробивается под утеплённую куртку и шепчет: „Не ходи дальше“.

Мы выходим в рейс. Груз принят, экипаж на борту, двигатели прогреты. Всё по плану. Но я записываю это не для отчёта. Я записываю это как предупреждение самому себе: если случится что-то странное — не ищи сразу рационального объяснения. Сначала вспомни, что некоторые территории не прощают ошибок. И не потому, что они опасны. А потому, что для кого-то они священны.

Капитан В. О. Громов»

Состав и характеристики судна «Полярный ветер»

Тип судна: дизель-электроход снабжения (многоцелевой), усиленный ледовый класс Arc5 — способен самостоятельно преодолевать однолетний лёд толщиной до 1,2–1,5 м при определённых условиях.

Основные размерения:

длина — 95,2 м;

ширина — 16,0 м;

осадка — 6,2 м;

водоизмещение — около 4 800 тонн.

Силовая установка и энергосистема:

главные двигатели — 2 дизеля суммарной мощностью 6 000 кВт;

дизель-генераторы — 3 шт. по 800 кВт каждый;

резервный генератор — 1 шт., 400 кВт (для критических систем);

Спасательные средства:

2 жёсткие шлюпки на 20 человек каждая;

4 надувных спасательных плота по 10 человек;

индивидуальные гидрокостюмы и спасательные жилеты — на каждого члена экипажа и дополнительные комплекты.

Экипаж (22 человека):

капитан — отвечает за общее командование и навигацию;

старший помощник (старпом) — руководит вахтой и повседневной эксплуатацией;
старший механик — отвечает за силовую установку и все механизмы;
вахтенные механики — 2 человека, работают посменно;
электромеханик — обслуживание электросети, генераторов, щитовой;
радиотехник — связь, передача координат, получение метеосводок;
боцман — руководство палубной командой, крепления груза, спасательные средства;
матросы — 4 человека, выполняют палубные работы и несут вахты;
кок — питание экипажа, контроль запасов провизии;
судовой врач — медицинская помощь, контроль состояния экипажа;
инженеры-наладчики — 2 человека, отвечают за оборудование и приборы;
технические специалисты — 2 человека, учёт и распределение груза;
научные сотрудники — 2 человека, сопровождение научных приборов и сбор данных.

Особенности конструкции и эксплуатации:

усиленный корпус в районе ватерлинии для защиты от ударов о лёд;
система подогрева палубных стоков и трапов, чтобы избежать наледи;
вентиляционная система с фильтрами от снежной пыли и возможностью работы в режиме рециркуляции при сильном морозе;

аварийные выходы и люки, рассчитанные на быстрое покидание судна даже при крене.

Возраст судна: 18 лет. Проходило модернизацию 5 лет назад: замена части электросистемы, усиление корпуса, обновление навигационного оборудования. Несмотря на модернизацию, возраст даёт о себе знать: случаются ложные срабатывания сигнализации, периодические перебои в работе второстепенных систем, коррозия на открытых участках палубы и переборок.

Этот набор характеристик делает «Полярный ветер» надёжным судном для работы в Арктике — но именно сочетание его «возрастных» проблем и суровых условий и создаёт почву для нарастающего напряжения в истории.

Глава 1. Сборы и предчувствия

Сумерки в северном порту Диксон наступали стремительно — словно кто-то дёргал рубильник, и дневной свет, и без того бледный, исчезал за серой пеленой снежной крупы. Ветер гулял между контейнерами и корпусами судов, выл в стальных фермах кранов и швырял колючий снег в лица людей, которые, несмотря на мороз, не прятались по тёплым помещениям, а продолжали суетиться у борта «Полярного ветра».

На палубе грохотали цепи, лязгали крюки, грузчики в утеплённых робах и касках перекрикивались сквозь порывы ветра, пытаясь удержать очередной контейнер на стропях. Судно, массивное и приземистое, казалось, даже не вздрагивало от этих ударов — оно стояло твёрдо, будто само было частью льда, намертво вмёрзшей в акваторию. Но воздух вокруг был живым: он рвал капюшоны, забирался под воротники, заставлял щуриться и плотнее прижимать наушники раций.

Капитан В. О. Громов стоял на крыле мостика, не спускаясь вниз, хотя холод уже пробирался сквозь толстую ткань утеплённой куртки. Он не любил торопиться, не любил суеты, но сейчас она раздражала его особенно. Рядом, чуть позади, держался старпом Алексей Семёнов — высокий, жилистый, с лицом, давно привыкшим к ветру: кожа обветрена, глаза прищурены, будто он всегда высматривает что-то на горизонте.

— Не нравится мне эта спешка, — тихо, почти себе под нос, произнёс Громов, не поворачиваясь к старпому. — Груз идёт как на пожар. Будто хотят успеть до того, как порт вообще встанет.

Семёнов хмыкнул, поправил наушник, в котором что-то трещало от помех, и ответил:

— Диспетчер сказал, что завтра обещают усиление ветра и снежные заряды. Хотят успеть закрыть план.

— План, — снова тихо повторил капитан, будто пробуя слово на вкус. — А ледовая обстановка? Что по сводкам?

Старпом достал планшет, экран тут же покрылся рябью от ветра и конденсата, но цифры читались:

— Кромка льда смещается южнее. Прогноз на ближайшие трое суток — усиление дрейфа, возможны торосы. Но маршрут пока проходим. Если не будет шторма.

Громов наконец повернулся, посмотрел на Семёнова тяжёлым, усталым взглядом:

— «Если» — это самое опасное слово в Арктике.

Внизу, у трюма, что-то снова лязгнуло, и крик грузчика перекрыл вой ветра:

— Эй, на мостике! Контейнер двадцать три не бьётся по документам! В накладной одно, на маркировке — другое!

Капитан нахмурился, потянулся к рации:

— Что значит «не бьётся»?

Голос грузчика, искажённый помехами, прозвучал нервно:

— Я говорю, номер не совпадает! И ещё... тут внутри что-то скребётся. Слышите?

Громов и Семёнов переглянулись. Старпом первым среагировал:

— Пусть не вскрывают. Пусть ставят на палубу, закрепим сеткой. Потом разберёмся с документами.

— А скрежет? — упрямо переспросил грузчик. — Это нормально?

Капитан взял рацию:

— Это не нормально. Но сейчас не время устраивать разбор полётов. Ставь на палубу. И чтобы крепления были двойные. Понял?

— Понял, — буркнул голос, и связь снова захлебнулась треском.

Громов опустил рацию, сжал губы.

— Контейнер со странным номером, нервные грузчики, скрежет... — пробормотал он.
— Как будто кто-то нарочно подсовывает нам неприятности перед выходом.

Семёнов пожал плечами, но в его взгляде мелькнуло напряжение:

— Может, просто ошибка в документах. Или грузуны. Или вибрация.

— Или мы сами себя накручиваем, — сухо закончил капитан. — Но я не люблю, когда что-то «просто». В Арктике нет «просто».

Они оба снова посмотрели вниз, туда, где грузчики, ругаясь сквозь зубы, тянули контейнер к месту крепления. Металл скрипел, цепи звенели, снег кружился вихрями, оседая на ящиках и палубе. В какой-то момент ветер стих на несколько секунд — и в этой короткой паузе из трюма донёлся отчётливый, сухой скрежет, будто кто-то царапал металл изнутри.

Семёнов вздрогнул, но тут же взял себя в руки:

— Надо проверить трюм после погрузки. Пусть боцман спустится с фонарём.

— Да, — кивнул Громов. — И пусть радист ещё раз запросит свежие сводки. Если лёд пойдёт стеной, нам лучше не выходить.

— Но план... — начал было старпом.

— План не спасёт нас, если мы вмёрзнем в торосы, — отрезал капитан. — Лучше потерять день, чем судно.

Ветер снова рванул с новой силой, швырнув в лицо горсть снега. Громов зажмурился на мгновение, потом снова открыл глаза и посмотрел на горизонт, где серое небо сливалось с серым льдом. Там, за этой чертой, их ждал рейс, который уже сейчас казался не таким простым, как на бумаге.

В это время в трюме, глубоко под палубой, где свет фонарей едва пробивался сквозь пыль и полумрак, боцман Игорь Костин спускался по трапу, держа в руке мощный фонарь. Рядом с ним шёл один из матросов — молодой парень по имени Денис, который впервые шёл в такой рейс и потому старался держаться поближе к боцману.

— Тут всегда так шумно? — спросил Денис, оглядываясь по сторонам.

Костин хмыкнул:

— Шум — это нормально. Металл дышит, расширяется, сжимается. Но вот этот скрежет... Такого раньше не было.

Он направил луч фонаря в дальний угол, где стояли ящики и контейнеры, плотно прижатые друг к другу. Луч скользнул по металлу, выхватил ржавчину, потёки масла, тень от строп. И вдруг — снова этот звук: короткий, резкий, будто кто-то провёл гвоздём по листу железа.

Денис вздрогнул:

— Слышите? Прямо там!

Костин прищурился, шагнул вперёд, осторожно, будто боялся спугнуть звук. Луч фонаря упёрся в один из контейнеров — тот самый, что не совпадал по документам. На его поверхности виднелись свежие царапины, будто кто-то пытался вскрыть его снаружи... или изнутри.

Боцман медленно протянул руку, постучал по металлу:

— Эй! Кто там?

Тишина. Только ветер гудел где-то наверху, и где-то капала вода.

— Наверное, всё-таки вибрация, — пробормотал Костин, но голос его звучал не слишком уверенно. — Или крысы.

— Крысы? — переспросил Денис, и в голосе его проскользнул страх.

— В порту бывают, — спокойно ответил боцман. — Но если это не они... тогда надо будет доложить капитану.

Он ещё раз осмотрел контейнер, записал номер в блокнот, потом кивнул матросу:

— Пошли наверх. Тут больше ничего не сделать. Пусть этим занимаются те, у кого на это полномочия.

Когда они поднялись на палубу, ветер снова ударил в лицо, снег летел горизонтально, и казалось, что сам порт, весь этот хаос из контейнеров, кранов и людей — всё это было лишь временной остановкой перед чем-то большим, перед бескрайним льдом, который ждал их впереди.

На мостике капитан Громов смотрел на карту на экране, где тонкими линиями были прочерчены маршруты, точки станций, границы льда. Он знал, что скоро придётся отдать приказ «полный вперёд», и тогда «Полярный ветер» оторвётся от причала и уйдёт в темноту, туда, где нет ни светофоров, ни дорожных знаков, ни гарантий.

И где, возможно, кто-то или что-то уже ждало их на кромке льда.

Глава 2. Отход

Церемония отхода в северных портах лишена пафоса. Здесь не бьют в рынду ради красивых кадров и не бросают букеты в воду. Всё происходит буднично, почти сухо: короткий доклад о готовности, проверка швартовых, команда «Отдать концы!» — и стальные тросы, тяжёлые, как змеи, падают на палубу, освобождая судно от земли.

«Полярный ветер» вздрогнул всем корпусом, когда винты провернулись в ледяной воде. Звук был низкий, утробный — будто корабль не столько просыпался, сколько ворчал, недовольный тем, что его снова гонят в холод. С берега донеслись короткие гудки буксиров, помогавших отвести нос судна от причала. В серых сумерках их огоньки казались крошечными и одинокими, а сам порт — уже чем-то далёким, почти нереальным.

На мостике капитан Громов стоял неподвижно, будто слившись с приборами. Рядом — старпом Семёнов, который то и дело поглядывал на локатор, словно ожидал, что лёд выскочит из темноты прямо перед форштевнем.

— Держим курс норд-норд-ост, — спокойно произнёс Громов, не повышая голоса, хотя в ушах ещё звенел грохот портовой суеты. — Держи дистанцию от кромки. Пока идём по чистой воде, но надолго её не хватит.

— Есть норд-норд-ост, дистанция от кромки, — отозвался Семёнов и тут же добавил: — Ветер усиливается. Если пойдём с такой скоростью, через пару часов нас начнёт прилично качать.

Капитан только кивнул. Он не любил лишних слов в первые часы рейса — считал, что судно должно «почувствовать» море, а экипаж — привыкнуть к ритму качки и гулу машин.

В машинном отделении, глубоко в чреве корабля, царил совсем другой мир — горячий, шумный, вибрирующий. Здесь воздух был густым от запаха масла, горячего металла и озона. Старший механик Виктор Петрович Руднев, плотный мужчина с лицом, будто выточенным из тёмного дерева, стоял у главного распределительного щита и хмуро слушал доклад вахтенного механика.

— Температура масла в норме, давление в системе смазки стабильное, — докладывал молодой механик, стараясь говорить уверенно, но голос его тонул в рёве дизелей.

Руднев хмыкнул, постучал пальцами по стеклу манометра, будто проверял, не врёт ли прибор.

— Стабильное, говоришь? — переспросил он. — В Арктике ничего не бывает стабильно. Сегодня стабильно, завтра — авария. Главное, чтобы ты это понимал, а не просто цифры читал.

Молодой механик сглотнул, но кивнул. Руднев был известен на флоте как человек жёсткий, но справедливый. Он не терпел панибратства и не верил в чудеса: если что-то сломалось — значит, была причина, и её надо найти, а не прятать под красивой отчётностью.

— И смотри за фильтрами, — добавил Руднев, понизив голос. — В топливе может быть вода. На севере это обычное дело. А вода в топливной системе — это не просто ошибка, это приговор машине.

Он ещё раз окинул взглядом ряды труб, клапанов и датчиков, будто пытаясь запомнить каждую деталь, а потом направился к трапу, чтобы подняться выше, туда, где воздух был чуть чище.

На палубе, где ветер уже не упирался в стены порта, а свободно гулял по открытому пространству, молодой матрос Денис, тот самый, что вчера ходил с боцманом в трюм, пытался закрепить страховочный карабин на поясе. У него никак не получалось: пальцы мёрзли, перчатки скользили, а карабин будто издевался, не желая защёлкиваться.

Рядом стоял боцман Игорь Костин — сухой, жилистый, с лицом, на котором каждая морщина казалась шрамом от ветра и времени. Он смотрел на Дениса без раздражения, но и без сочувствия — просто как на деталь, которую нужно правильно установить.

— Не так делаешь, — коротко бросил Костин. — Смотри: сначала выровняй скобу, потом вставляй штифт. И не тяни, а нажимай. Тут сила не нужна, тут точность нужна.

Денис стиснул зубы, попробовал снова — и на этот раз карабин щёлкнул. Он выдохнул с облегчением, но тут же почувствовал, как внутри поднимается обида.

— Я стараюсь, — буркнул он, натягивая капюшон плотнее. — Просто тут всё какое-то... непривычное.

Костин прищурился, глядя на горизонт, где серое небо сливалось с серой водой.

— Привычное будет потом, — спокойно ответил он. — Когда поймёшь, что палуба — это не место для ошибок. Здесь любая мелочь может стоить жизни. Ты думаешь, я придираюсь? Нет. Я хочу, чтобы ты вернулся домой живым.

Денис хотел было возразить, сказать, что он не новичок, что прошёл практику и знает основы, но слова застряли в горле. Ветер швырнул в лицо ледяную крупу, и он только плотнее закутался в робу.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Спасибо.

Боцман кивнул, будто этого и ждал — не спора, а понимания.

— Теперь иди к люку номер три, проверь крепления сетки. И не стой на ветру просто так. Работа — это тоже тепло.

Когда Денис ушёл, Костин ещё немного постоял, глядя, как волны, невысокие, но злые, бьют в борт, и как пена, белая и колючая, разлетается брызгами. Он знал: первые часы в море — самые обманчивые. Пока всё кажется простым, пока лёд — лишь точкой на радаре, пока каждый звук — обычным шумом корабля. Но Арктика не прощает иллюзий.

В радиорубке, тесной и заставленной аппаратурой, радист Олег Миронов сидел перед панелью связи, будто перед алтарём. Его пальцы нервно бегали по кнопкам, он то и дело поправлял наушники, словно пытался поймать не сигнал, а саму тишину между волнами.

Судовой врач Андрей Львович Соколов, спокойный, неторопливый, с лицом человека, привыкшего видеть худшее и оставаться при этом рассудительным, заглянул в дверь.

— Ты чего такой взвинченный? — спросил он, не входя, а лишь держась за косяк. — Мы только отошли. Ещё даже качка толком не началась.

Миронов дёрнул плечом, не отрывая взгляда от приборов.

— Связь плохая, — пробормотал он. — С берегом еле пробиваюсь. А если что-то случится... если лёд пойдёт стеной... мы останемся одни. Никто не услышит.

Соколов чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тону.

— Мы не одни, — спокойно сказал он. — У нас есть капитан, есть команда, есть протоколы. И у нас есть ты — чтобы мы могли говорить с берегом. Так что дыши. И не гони впереди паровоза.

Радист наконец посмотрел на врача, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на стыд.

— Прости, — тихо произнёс он. — Просто... мне кажется, что этот рейс будет другим. Не как прошлые.

— Все рейсы другие, — ответил Соколов. — Просто не все это замечают. А ты замечаешь. Это хорошо. Но не позволяй предчувствиям ломать тебе руки. Договорились?

Миронов слабо улыбнулся, кивнул.

— Договорились.

Врач ещё немного постоял, потом тихо закрыл дверь, оставив радиста наедине с его волнами и страхами.

Тем временем на мостике капитан Громов наконец позволил себе чуть расслабить плечи. Курс был взят, скорость — в пределах нормы, локатор показывал чистую воду впереди. Но он

знал: спокойствие в Арктике — это не состояние, а пауза. И чем дольше пауза, тем страшнее может быть следующий звук.

— Как связь? — спросил он у старпома, не глядя на него.

— Радист докладывает, что с берегом связь неустойчивая, — ответил Семёнов. — Но пока передаёт координаты и метеосводку.

Громов кивнул.

— Пусть держит канал открытым. Пусть каждые полчаса даёт отметку. В этих широтах тишина — это уже проблема.

Семёнов записал указание в бортовой журнал, потом на секунду задержал взгляд на капитане.

— Вы верите в предчувствия? — неожиданно спросил он.

Капитан медленно повернул голову, посмотрел на старпома так, будто видел его впервые.

— В предчувствия — нет, — спокойно ответил он. — Я верю в опыт. А опыт говорит мне, что когда груз не бьётся по документам, когда радист нервничает, а механик ждёт подвоха — значит, подвох будет. Наша задача — быть к нему готовыми.

Старпом хотел что-то добавить, но в этот момент локатор пискнул, выдавая новое предупреждение: на экране появилась тонкая, неровная линия — первая кромка льда. Она была ещё далеко, но уже заявляла о себе, как граница, которую нельзя пересекать без оглядки.

— Кромка льда, дистанция двенадцать миль, — доложил Семёнов, голос его стал сухим и деловым.

— Держи дистанцию, — повторил Громов. — И пусть боцман проверит все люки и крепления. Мы входим в зону, где каждый болт должен сидеть на своём месте.

Судно продолжало идти вперёд, разрезая низкие волны, оставляя за кормой белую пену и последние отголоски порта. Впереди была только серая вода, серое небо и тонкая линия льда, которая с каждым часом становилась всё ближе — и всё опаснее.

Глава 3. Первые штормовые

Первые признаки надвигающейся беды пришли не с рёвом ветра и не с ударом волны — они пришли тихо, почти незаметно: как едва уловимое изменение давления в воздухе, как странный, тягучий наклон палубы, который поначалу можно было списать на привычку к ровной земле.

«Полярный ветер» шёл курсом норд-норд-ост, разрезая невысокие, но злые волны. Качка была пока умеренной — так, что опытный экипаж даже не замечал её, а новички вроде матроса Дениса ещё пытались убедить себя, что это просто «немного качает». Но уже через несколько часов после отхода горизонт начал темнеть, будто кто-то медленно опускал на мир тяжёлый серый занавес.

На мостике капитан Громов смотрел на локатор, где тонкая линия кромки льда становилась всё плотнее, а за ней — неясная, размытая пелена, которую синоптики называли «зоной неустойчивости».

— Ветер усиливается, — тихо произнёс старпом Семёнов, поглядывая на анемометр. — Сейчас 18 узлов, и растёт. И давление падает.

Громов кивнул, не отрывая взгляда от экрана:

— Вижу. Держи курс, но снизь ход до среднего. Пусть механики будут готовы к нагрузке. Если начнётся шторм, нам не нужен перегрев дизелей.

Семёнов отдал команду по внутренней связи, и через несколько секунд из машинного отделения пришёл короткий ответ:

— Есть снижение хода. Старший механик на месте.

В машинном отделении старший механик Руднев стоял у главного распределительного щита, вслушиваясь в ритм работы дизелей. Здесь, в глубине судна, качка ощущалась иначе: не как движение вверх-вниз, а как тяжёлое, вязкое покачивание, от которого дрожали трубы и позвякивали незакреплённые инструменты.

Рядом с ним вахтенный механик нервно поглядывал на приборы.

— Температура масла ползёт, — пробормотал он. — Ещё полтора градуса — и сработает сигнализация.

Руднев прищурился, постучал пальцами по стеклу манометра:

— Это не масло греется, это погода меняется. В Арктике всё реагирует раньше, чем ты успеваешь записать в журнал. Следи за фильтрами. Если в топливе вода — она сейчас даст о себе знать.

Он повернулся к одному из дизель-генераторов — массивной машине, которая гудела ровно, но в её гуле уже слышалось напряжение, как у зверя, который чувствует приближение бури.

— Третий генератор переведи в горячий резерв, — приказал Руднев. — Пусть будет готов к запуску за минуту. Если сеть начнёт проседать — нам понадобится запасная мощность.

Вахтенный кивнул и поспешил к панели управления. Руднев ещё немного постоял, вдыхая густой, тёплый воздух машинного отделения — запах масла, горячего металла и электричества. Он не любил шторма. Для него шторм был не стихией, а экзаменом, где любая мелочь могла стать приговором.

Тем временем в трюмах, глубоко под палубой, воздух был холодным, плотным, с запахом ржавчины и соли. Боцман Костин ходил между контейнерами и ящиками, проверяя крепления. Рядом снова был Денис, который старался держаться уверенно, но качка и полумрак делали его движения неловкими.

— Смотри на талрепы, — коротко говорил Костин, дёргая за металлические стяжки. — Они должны быть затянуты так, чтобы не было люфта. Если груз начнёт гулять — он сорвёт крепления и пойдёт по трюму, как снаряд.

Денис кивнул, наклонился, чтобы проверить узел, и в этот момент судно резко качнуло на борт. Ящик, стоявший у переборки, сдвинулся на несколько сантиметров и глухо ударился о соседний контейнер.

— Вот! — рявкнул Костин, указывая на щель, которая появилась между ящиками. — Это уже не «немного качает». Это начало шторма. Затягивай талреп. И не тяни, а крути до упора.

Денис стиснул зубы, взялся за рукоятку и начал крутить. Металл скрипел, трос натягивался, и наконец ящик встал на место.

— Ещё два ряда, — бросил Костин. — И наверх. Там будет хуже.

Когда они поднялись на палубу, ветер уже не гулял — он ревел, швыряя в лица ледяную крупу. Палуба стала скользкой, и каждый шаг требовал усилий. Денис едва удержался на ногах, схватившись за леер.

— Держись! — крикнул Костин. — Здесь не место для ошибок!

В радиорубке радист Миронов сидел перед панелью, вцепившись пальцами в подлокотники кресла. Его лицо было напряжённым, а в глазах читалась тревога. Связь с берегом становилась всё хуже: голос диспетчера то и дело пропадал в треске помех.

— «Полярный ветер», я вас не слышу, повторите, — шипел динамик. — Повторяю, повторите координаты...

Миронов стиснул зубы и снова нажал кнопку передачи:

— «Берег», это «Полярный ветер». Координаты 76°12' с. ш., 89°45' в. д. Повторяю: мы снижаем ход, ожидаем ухудшение погоды. Приём.

Тишина. Только треск и свист помех. Потом, наконец, короткий ответ:

— Вас понял, «Полярный ветер». Держите канал открытым. Конец связи.

Радист опустил микрофон, выдохнул и тут же вздрогнул от резкого звука: где-то в коридоре завывала сирена — короткая, пронзительная, будто предупреждающая о чём-то страшном.

Миронов вскочил, выглянул в коридор — и увидел, как лампы на потолке начали мерцать, будто электричество боролось с надвигающейся бурей.

Судовой врач Соколов как раз выходил из каюты, когда сирена взвыла в первый раз. Он остановился, прислушался, потом спокойно пошёл к щитовой, откуда доносился треск автоматических выключателей.

В коридоре было полутемно: лампы мигали, тени металась по стенам, и казалось, что само судно стонет, сопротивляясь ветру и волнам.

Соколов нашёл электромеханика у распределительного щита. Тот хмуро смотрел на панель, где один за другим загорались и гасли индикаторы.

— Ложное срабатывание, — пробормотал электрик. — Или не ложное. Напряжение скачет. Сейчас сеть держится, но если генераторы начнут сбоить...

— Что будет? — спокойно спросил Соколов.

Электрик пожал плечами:

— Если упадёт напряжение — отключатся второстепенные системы. Вентиляция, освещение, часть насосов. Если упадёт сильно — включится аварийный режим, и тогда у нас останется только минимум: локатор, связь, рулевое.

Соколов кивнул, будто услышал именно то, что и ожидал услышать.

— Значит, надо быть готовыми к темноте, — спокойно произнёс он. — И к холоду. Если вентиляция встанет, в трюмах и каютах станет холодно очень быстро.

Электрик посмотрел на него с уважением:

— Ты единственный, кто не паникует, когда свет мигает.

Соколов слабо улыбнулся:

— Паника не согреет. А вот работа — может.

На камбузе кок Барсуков Саша пытался удержать кастрюлю с супом на плите, но качка делала это почти невозможным. Суп выплёскивался на плиту, шипел, и запах горячего бульона смешивался с запахом горелого масла.

— Да чтоб тебя! — выругался кок, хватая кастрюлю обеими руками. — Да тут не готовить, тут выживать надо!

В дверь заглянул один из матросов:

— Саша, нам сказали: готовить только горячее, но минимум. Если шторм усилится, плиту могут отключить.

Кок мрачно кивнул:

— Тогда пусть едят консервы. Тут не до кулинарных шедевров.

На мостике качка стала ощутимее: судно поднималось на волне и с глухим ударом опускалось вниз, словно проверяя прочность своих шпангоутов. Капитан Громов стоял неподвижно, будто сам стал частью мостика, и смотрел на локатор, где кромка льда уже не была тонкой линией — она стала плотной, неровной стеной, которая медленно надвигалась на них.

— Ветер 22 узла, — доложил Семёнов. — И растёт. Волна уже 3,5 метра.

Громов медленно кивнул:

— Передай по судну: всем быть в готовности. Пусть закроют все люки, проверят крепления. И пусть радист держит связь. Если связь пропадёт — мы останемся одни.

Семёнов записал приказ в бортовой журнал, потом на секунду задержал взгляд на капитане:

— Думаете, шторм будет сильным?

— Я думаю, — спокойно ответил Громов, — что Арктика не любит, когда её недооценивают.

В этот момент сирена снова взвыла, на этот раз громче, настойчивее. Лампы на мостике мигнули и погасли на несколько секунд, а потом загорелись снова, но уже тусклее, будто электричество тоже устало бороться с бурей.

— Сбой питания, — сухо произнёс Семёнов.

— Пусть механики держат генераторы, — спокойно сказал Громов. — А мы будем держать курс.

Судно снова поднялось на волне, и на мгновение показалось, что оно зависло на гребне, словно пытаясь разглядеть, что ждёт его впереди. А впереди была только серая пелена шторма, которая становилась всё ближе, всё плотнее — и всё страшнее.

Глава 4. Ледовая кромка

Судно шло сквозь серую мглу, будто пробиралось сквозь плотную ткань, которую кто-то нарочно натянул между небом и морем. Ветер не утихал ни на минуту — он выл в леерных ограждениях, швырял снежную пыль в иллюминаторы, заставлял людей на палубе прижиматься к надстройкам, чтобы не быть сбитыми с ног. Температура за бортом упала до -18°C , и даже в утеплённых робах холод пробирался под одежду, оседая инеем на ресницах и краях капюшонов.

На мостике было тихо, но эта тишина была напряжённой, звенящей от концентрации. Капитан Громов стоял у локатора, не отрывая взгляда от экрана, где серая пелена помех постепенно сменялась чёткими, угловатыми контурами — это была кромка льда. Она не выглядела как ровная линия; скорее, это была рваная, зубчатая граница, где вода и лёд спорили друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.